

Научная статья

УДК 342.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-2-229-242

О юридической силе решений Конституционного Суда РФ в контексте дискуссии об отмене моратория на смертную казнь

Юрий Анатольевич Кудрявцев

Лужский институт (филиал) Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина, Луга, Ленинградская область, Россия, yuriy_teoriya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0652-6815>

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные аспекты юридической силы решений Конституционного Суда Российской Федерации (РФ), их места в правовой системе государства и системе источников права. Вопрос о юридической силе правовых позиций Конституционного Суда РФ раскрыт в контексте общественных дискуссий о возможностях отмены моратория на смертную казнь и с учетом преобладающего в юридическом сообществе мнения об отсутствии в современном законодательстве юридических механизмов преодолеть определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, закрепившее бессрочность моратория на смертную казнь и сделавшее ее назначение, применение на территории России в условиях действующей Конституции РФ невозможным.

Ключевые слова: юридическая сила правового акта, аннигилирующее толкование права, иерархия нормативных правовых актов, решение Конституционного Суда РФ, правовая позиция Конституционного Суда РФ, мораторий на смертную казнь

Для цитирования: Кудрявцев Ю. А. О юридической силе решений Конституционного Суда РФ в контексте дискуссии об отмене моратория на смертную казнь // Социология и право. 2025. Т. 17. № 2. С. 229–242. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-2-229-242>

Original article

The legal force of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of the discussion on the abolition of the moratorium on death penalty

Yuri A. Kudryavtsev

Luga Institute (branch) of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin,
Luga, Leningrad Region, Russia, yuriy_teoriya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0652-6815>

Abstract. The article examines the problematic aspects of the legal force of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (RF), their place in the legal system of the state and the system of sources of law. The work reveals the issue of the legal force of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of public discussions on the possibilities of abolishing the moratorium on the death penalty and taking into account the opinion prevailing in the legal community about the absence in modern legislation of any legal mechanisms to overcome the definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 19, 2009 No. 1344-O-R, which enshrined the indefiniteness

of the moratorium on death penalty and made its sentencing and implementation on the territory of Russia under the current Constitution of the Russian Federation impossible.

Keywords: juridical force of a legal act, annihilating interpretation of law, hierarchy of legal enactments, decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, moratorium on death penalty

For citation: Kudryavtsev Yu.A. The legal force of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of the discussion on the abolition of the moratorium on death penalty. *Sociology and Law*. 2025;17(2):229-242. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-2-229-242>

Введение

В государстве, отказавшемся от применения в качестве высшей меры наказания смертной казни, общественные дискуссии о ее возвращении в правоприменительную практику судов и уголовно-исполнительных органов обычно возникают с новой силой в условиях чрезвычайных обстоятельств. Подобные дискуссии возникали, например, после взрывов многоквартирных жилых домов в Москве (1999), взятия в заложники и массовой гибели людей в театральном центре на Дубровке, на мюзикле «Норд-Ост» (2002), после захвата школы в городе Беслане (2004).

Это было и в 2024 г., после теракта, случившегося 22 марта в ТЦ «Крокус Сити Холл», в результате которого погибли по меньшей мере 145 человек и более 550 человек получили ранения различной степени тяжести. Дискуссия сразу вышла на самый высокий уровень, и аргументы за отмену моратория на смертную казнь зазвучали от представителей практически всех уровней власти. Так, глава Следственного комитета России А. И. Бастрыкин предложил возобновить применение смертной казни через указ Президента РФ. Председатель партии «Единая Россия» Д. А. Медведев, лидер партии «Справедливая Россия — За правду» С. Миронов, глава ЛДПР Л. Э. Слуцкий и многие депутаты от разных политических партий поддержали эту идею.

Дискуссии о смертной казни в нашей стране, как правило, проходят в двух плоскостях: смертную казнь либо оценивают с точки зрения гуманизма, не вдаваясь в юридические тонкости и процедурные моменты; либо обсуждают возможность через юридические процедуры вернуть применение смертной казни в рамках существующего конституционного поля. Ввиду этого категоричную позицию высказал председатель Конституционного Суда Российской Федерации (РФ), доктор юридических наук, профессор В. Д. Зорькин, заявивший на XII Петербургском международном юридическом форуме о невозможности в рамках действующей Конституции РФ возобновить назначение и применение смертной казни [1]. Поддержал эту точку зрения и глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, профессор А. А. Клишас, указавший на невозможность при действующей Конституции РФ преодолеть решение Конституционного Суда РФ и вернуть смертную казнь [2].

Теория

Изложенный подход является спорным с учетом целого ряда причин, и в первую очередь с точки зрения сути правового государства, в основе которого должны находиться принципы верховенства права, разделения властей, недо-

пустимости противопоставления законности и целесообразности, необходимости строгого соблюдения предусмотренных законом юридических процедур. Если в России отсутствуют юридические механизмы преодоления решений Конституционного Суда РФ, то возникает несколько вопросов. В частности, существует ли в нашей стране иерархия нормативных правовых актов, основанная на их юридической силе? Какое место в этой иерархии занимают решения Конституционного Суда РФ?

Для построения дальнейших рассуждений уместно вспомнить о том, как в России был введен мораторий на смертную казнь. 28 февраля 1996 г. Россия вошла в Совет Европы, а 16 мая 1996 г. Президентом РФ издан Указ № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы». В принятом в 1996 г. Уголовном кодексе (УК) РФ значительно сократилось количество составов преступлений, за которые в качестве высшей меры была предусмотрена смертная казнь. Новые смертные приговоры перестали выносить, а к лицам, в отношении которых они уже вынесены, применили законное право помилования. 16 апреля 1997 г. Россия подписала протокол № 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которому смертная казнь должна была быть отменена за любые преступления, за исключением возможности ее сохранения в законодательстве за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны [3]. Однако данный протокол так и не ратифицирован Государственной Думой РФ, и в итоге прямой юридической отмены смертной казни как высшей меры наказания не произошло. Тем не менее с 16 апреля 1997 г. рассматриваемый вид наказания перестали применять, фактически мораторий на смертную казнь в качестве временной меры введен постановлением Конституционного Суда РФ № 3-П от 2 февраля 1999 г., согласно которому смертную казнь в России не могли назначать до тех пор, пока на территории государства не будет реализована возможность рассмотрения соответствующего уголовного дела с участием присяжных заседателей, как этого требует ч. 2 ст. 20 Конституции РФ. В резолютивной части постановления суд указал на окончательный характер своего решения, невозможность его обжалования и его непосредственное действие.

Последним из субъектов суд присяжных ввела Чеченская Республика с 1 января 2010 г. Именно с этой даты мораторий на вынесение смертных приговоров и применение смертной казни должен был быть отменен. Верховный Суд РФ обратился с запросом в Конституционный Суд РФ, который, в свою очередь, вынес резонансное определение от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р. Решение изобилует пространственными рассуждениями, сложными правовыми конструкциями, открывающими в тексте Основного Закона новые скрытые смыслы, с аннигилирующей юридической интерпретацией правовых предписаний, содержащихся в том числе в Конституции РФ. Главный посыл документа: Россия связана обязательствами перед Советом Европы и мировым сообществом; отсутствие предусмотренной законом обязательной ратификации Протокола № 6 не исключает его восприятия как существенного элемента правовой системы России «в контексте сложившихся правовых реалий».

С одной стороны, смертная казнь как вид наказания формально продолжает сохраняться в действующем законодательстве, с другой — в России сложился «легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни...» [4]. Таким образом, Конституционный Суд РФ, вопреки ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, признал бессрочным мораторий на смертную казнь

при отсутствии ее законодательно закрепленной отмены и несмотря на введение на территории страны суда присяжных заседателей.

Важно помнить о том, что к определению № 1344-О-Р приобщено особое мнение судьи Конституционного Суда РФ, заслуженного юриста России Ю. Д. Рудкина, в котором он высказал несогласие с большинством судей относительно вывода, содержащегося в указанном решении, обратив внимание на несоответствие предмета рассмотрения и высказанных в определении правовых позиций суда. На основании юридически грамотных аргументов и логических выводов Ю. Д. Рудкин сформулировал единственно верный в данном случае вывод о допустимости назначения наказания в виде смертной казни с момента создания судов присяжных заседателей на территории РФ, то есть с 1 января 2010 г. Иной вывод, по мнению Ю. Д. Рудкина, прямо противоречит постановлению Конституционного Суда РФ № 3-П от 2 февраля 1999 г. В нем четко определены условия, при наступлении которых наказание обвиняемым в преступлениях, за совершение которых предусмотрена смертная казнь, назначаться может.

Мораторий на применение смертной казни сохранен. В 2024 г., после трагических событий в ТЦ «Крокус Сити Холл», в условиях новой волны общественной дискуссии о необходимости отмены моратория, председатель Конституционного Суда РФ выступил от имени состава суда и подтвердил его бессрочный характер. При этом, как и ожидали, акцент сделан не на гуманистических соображениях, а на отсутствии какой бы то ни было юридической возможности снять мораторий Конституционного Суда РФ в рамках действующей Конституции РФ. При этом ранее в своей книге «Конституционное правосудие: процедура и смысл» (2021) профессор В. Д. Зорькин выбирал более мягкие формулировки при обосновании правовой позиции Конституционного Суда РФ и справедливо утверждал, что с «формально-юридической точки зрения Конституционный Суд не отменил смертную казнь, поскольку это может сделать только законодатель. Суд лишь сделал практически бессрочным мораторий на ее назначение и применение. Дальше пойти он не мог, так как — в нарушении принципа разделения властей — вышел бы за пределы своих полномочий» [5, с. 77]. Далее на страницах этой книги автор акцентировал внимание на невозможности применения смертной казни «на данном историческом этапе» развития России, не исключая возможности возврата к этой мере наказания в будущем. По мнению В. Д. Зорькина, «многое будет зависеть от общей правовой ситуации в стране...» [5, с. 80–81]. Речь не шла в указанный выше период о возможности применения смертной казни только при условии принятия новой Конституции. Сегодня позиция председателя Конституционного Суда РФ изменилась.

Ст. 20 Конституции РФ прямо предусматривает возможность применения смертной казни как исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. К тому же Основной Закон страны устанавливает временную границу, то есть «впредь до ее отмены». Поскольку смертная казнь в России юридически не отменена, она по-прежнему остается одним из действующих видов уголовного наказания.

Считаем ошибочным утверждение о том, что Конституция РФ предполагает применение смертной казни в рамках некоего переходного периода. Рассуждения об этом находятся сугубо в плоскости субъективного восприятия, не имеют под собой юридически обоснованных оснований и представляются нам примером правовой демагогии и подмены заложенных в Конституцию РФ смыслов. Более того, именно действующая с 1993 г. Конституция по своей сути гарантирует нормам о смертной казни высшую юридическую силу, возводя ее в ранг незыбле-

мого конституционно-правового института, закрепленного в неизменяемой второй главе Конституции РФ. Ее назначение предусмотрено пятью нормами Особенной части УК РФ (ч. 2 ст. 105 «Убийство при отягчающих обстоятельствах»; ст. 227 «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»; ст. 295 «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»; ст. 317 «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов»; ст. 357 «Геноцид»), а также порядок исполнения наказания в виде смертной казни закреплен в главе 23 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Отменить смертную казнь может только представительный законодательный орган — парламент. Если бы это произошло, возникла бы правовая необходимость изменить ст. 20 Конституции РФ и, как следствие, принять новую Конституцию.

Утверждение о невозможности в рамках действующей Конституции РФ вернуть применение смертной казни видится спорным еще и потому, что правовые акты органов государственной власти, в том числе решения Конституционного Суда РФ, согласно принципам верховенства права и ст. 15 Конституции России, не должны противоречить Конституции РФ, а органы государственной власти и местного самоуправления, должностные лица обязаны соблюдать, то есть не нарушать Конституцию РФ и законы России. Постановление Конституционного Суда РФ № 3-П от 2 февраля 1999 г., как и разъясняющее его определение от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, не содержат правовых норм, не обладают юридической силой, сопоставимой с юридической силой Конституции РФ и законов, не могут тем самым изменять, отменять конституционные нормы или, формально сохраняя их текстуальное выражение, посредством толкования вносить поправки и существенно изменять их смысл.

Результаты и обсуждение

Таким образом, Конституция РФ не является юридическим препятствием для отмены моратория на смертную казнь. Чем же объяснить категоричность, с которой высказываются отдельные юристы, в частности представители публичной политической власти, о невозможности отмены моратория на смертную казнь в рамках действующей Конституции России? По нашему мнению, ответ на этот вопрос следует искать в решении проблемы иного толка, а именно в определении места решений Конституционного Суда РФ в системе и иерархии правовых актов, а также в установлении их юридической силы как свойства порождать определенные юридические последствия.

Почему данный вопрос следует формулировать именно таким образом? По мнению профессора В. Д. Зорькина, отмена моратория на смертную казнь невозможна «ни парламентским законом, ни референдумом, ни даже поправкой к Конституции» [6]. Солидарную позицию выражает и глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, профессор А. А. Клишас. Он прямо указал на невозможность Государственной Думы и Совета Федерации преодолеть решение Конституционного Суда РФ по данному вопросу: «Ни Дума, ни Совет Федерации не могут преодолеть решение Конституционного суда РФ по вопросу о смертной казни. Пока она неизменна — смертную казнь вернуть нельзя» [7]. В другом своем выступлении А. А. Клишас заявил о том, что преодолеть запрет на применение смертной казни нельзя даже новыми решениями Конституционного Суда РФ [8]. И это сказано в условиях того, что смертная казнь в России юридически не отменена, возможность ее применения предусмотрена Конституцией РФ и законами государства, Конституционный Суд РФ обязан принимать реше-

ния, не противоречащие Конституции РФ, а судьи — соблюдать Конституцию и законы России.

Таким образом, юридической преградой в вопросе снятия моратория на смертную казнь является не действующая Конституция РФ, а позиция Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой решения суда воспринимают как акты, не только обладающие юридической силой, сопоставимой с юридической силой Конституции РФ и превышающей юридическую силу законов, но и обладающие особой правовой природой, формирующие правовую доктрину на основе собственной интерпретации положений Основного Закона. В книге «Конституционно-правовое развитие России», рассуждая о прецедентном значении решений Конституционного Суда РФ, профессор В. Д. Зорькин пишет о том, что «юридическая сила итоговых решений Конституционного Суда превышает юридическую силу закона». И далее сформулирован интересный вывод о том, что юридическая сила решений суда «становится аспектом юридической силы положений Конституции, поскольку их уже нельзя применять в отрыве от итоговых решений Конституционного Суда, основанных на выяснении смысла этих положений» [9, с. 163].

В монографии «Конституционный Суд России: доктрина и практика», посвященной проблемам конституционного правосудия и конституционной юстиции на современном историческом этапе развития России, председатель Конституционного Суда РФ утверждает, что «юридическая сила итоговых решений конституционных судов превосходит любой закон, кроме самой Конституции, но и ее смысл на практике отождествляется с интерпретациями, исходящими от конституционной юстиции». Далее в монографии находим еще одну интересную мысль, заставляющую задуматься не столько о правовом, сколько о политическом значении решений Конституционного Суда РФ: «...своими решениями конституционные суды способны преодолевать возведенную в закон волю политического большинства» [10, с. 8]. Автор убежден в том, что «конституционная юстиция посредством легитимной интерпретации смыслов может не только селективировать “волю большинства”, но и сглаживать возмущения, привносимые политическим меньшинством...» [10, с. 8]. В книге «Право против хаоса» председатель суда продолжает высказанные ранее мысли и обосновывает наличие у Конституционного Суда РФ «правооткрывательской функции», суть которой состоит в открытии новых, ранее не известных смыслов конституционных норм, не имеющих должного текстуального оформления. Формируемые судом правовые позиции названы «флажками-ориентирами», за которые законодатель выходить не должен и которые, по мнению председателя суда, занимают место «между конституционными принципами и отраслевым уровнем нормативного регулирования» [11, с. 45–47].

Итак, Конституционный Суд РФ, по сути, наделяет себя правотворческой функцией, подменяющей собой законодательно закрепленную за ним функцию толкования права, и, как следствие, не только восполняет пробелы в конституционном регулировании, но и в необходимых случаях изменяет «дух и букву» закона, в том числе нормы Конституции России. Председатель Конституционного Суда РФ указывает на допустимость трансформации смыслов, заложенных в правовых позициях суда РФ под воздействием «изменения жизненных реалий», при этом решения сохраняют свою юридическую силу, окончательны, не подлежат обжалованию и пересмотру. По убеждению профессора В. Д. Зорькина, применимость правовой позиции Конституционного Суда РФ «не является абсолютной и определяется Конституционным Судом каждый раз в сходных ситуациях с учетом единства буквы и духа этой позиции в конкретно-исторических обстоятельствах...» [9, с. 164].

Конституционный Суд РФ по-разному интерпретирует не только нормы Конституции России и нормы законодательства, но и собственные решения, что прослеживается в трансформации правовых позиций суда, вынесенных по схожим вопросам. Это становится возможным посредством расширительного либо ограничительного толкования ранее сформулированных судом правовых позиций. Примеров подобных трансформаций множество. Так, решения суда о проверке конституционности положений Таможенного кодекса РФ о допустимости внесудебной конфискации имущества (постановление от 20 мая 1997 г. № 8-П и постановление от 11 марта 1998 г. № 8-П) содержат в резолютивной части противоположные выводы. Приведем в качестве примеров также постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 г. № 2-П по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края, в котором суд признал неконституционным осуществление выборов главы исполнительной власти высшим законодательным органом субъекта и поддержал прямой порядок избрания глав субъектов Федерации; постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П, в котором суд, вопреки собственной правовой позиции, высказанной в постановлении от 18 января 1996 г., признал соответствующим Конституции РФ избрание губернаторов Законодательным Собранием региона по представлению Президента (в мотивировочной части постановления суд не расширил, а изменил смысл гарантированных конституцией избирательных прав граждан и выборов как формы непосредственной демократии).

Одним из примеров изменения Конституционным Судом РФ заложенных в Конституцию России смыслов с опорой на собственные правовые позиции служит заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» (далее — Закон о поправке). Объемный документ (на 52 страницах) изобилует сложными правовыми конструкциями и рассуждениями вперемежку с философскими, историческими и иными выкладками, не относящимися к вопросам права, со многими из которых сложно согласиться. Так, не найдя верных правовых аргументов для того, чтобы объяснить причины, по которым суд решил не проверять соответствие порядка принятия, вступления в силу и содержание Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ Федеральному закону от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации», Конституционный Суд РФ объясняет это тем, что вступившие в силу положения Закона о поправке имеют приоритет перед указанным Федеральным законом как содержащиеся в специальном и более новом правовом акте, к тому же обладающем большей юридической силой. В данном случае речь идет о собственной правовой интерпретации судом правовых смыслов и подмене понятий. Во-первых, более новый нормативный правовой акт обладает приоритетом перед принятым ранее только в случае имеющейся правовой коллизии и только при условии совпадения предмета правового регулирования двух законодательных актов. В рассматриваемом нами случае предмет регулирования Закона о поправке и Федерального закона от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ является разным. Во-вторых, довод о том, что некий специальный закон обладает большей силой, чем закон общего действия, несостоятелен, поскольку именно на основе законов общего действия принима-

ют законы, направленные на регулирование узкой группы общественных отношений. Принятие Закона о поправке предусмотрено Федеральным законом от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ, как и его форма. При этом конституционная норма об обязанности принимать поправки в Конституцию РФ в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, не означает того, что Закон о поправке обладает юридической силой федерального конституционного закона. Порядок принятия закона и его юридическая сила — понятия разного уровня.

Если Конституционный Суд РФ в своих решениях может изменять заложенный в норме права смысл, применять расширительное либо ограничительное толкование собственных правовых позиций, то возможно ли принятие судом решений, противоречащих и не соответствующих Конституции РФ? Возможно ли признание судом соответствующими Конституции РФ правовых актов или действий органов власти, в действительности не соответствующих Конституции РФ? По формальным критериям — нет. Однако действительность такова, что Конституционный Суд РФ, признавая акт соответствующим Конституции РФ, зачастую использует в качестве аргументов собственное видение права, свое понимание тех или иных положений Конституции РФ. Председатель Конституционного Суда РФ дает ответ на заданные вопросы: «В целом в практике Конституционного Суда сложилась тенденция избегать признания оспоренного законоположения неконституционным, если имеется возможность выявить конституционно-правовой смысл этого законоположения и в его контексте — должное конституционное содержание нормы, исключающее любое иное истолкование законоположения в правоприменительной практике» [9, с. 183].

Другими словами, с учетом «конкретно-исторических обстоятельств» Конституционный Суд РФ, используя собственные правовые интерпретации, допускает признание неконституционных актов соответствующими Конституции РФ при условии скорейшего внесения в их текст необходимых корректив. Но это еще не всё. Председатель Конституционного Суда РФ открыто утверждает, что Конституционный Суд РФ может признать неконституционный закон соответствующим Конституции РФ в целях недопущения появления в правовом регулировании пробелов: «Конституционный Суд воздерживается от признания закона неконституционным в случаях, если возникающий при этом пробел ... не может быть восполнен прямым применением положений Конституции или конституционно-правовым истолкованием оспариваемых законоположений» [9, с. 189].

В контексте изложенного позволим себе утверждать, что вывод, закрепленный в определении Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р о том, что смертная казнь не может быть применена даже после введения на территории России суда присяжных, противоречит ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, в соответствии с которой смертная казнь, вплоть до ее отмены, может быть установлена как исключительная мера наказания. Выводы Конституционного Суда РФ основаны на собственных интерпретациях смыслов конституционных норм и правовой целесообразности. Единственное препятствие в вопросе возврата в практику судов вынесения смертных приговоров — это не действующая Конституция России, а правовые позиции действующего состава Конституционного Суда РФ. Неслучайно ряд видных юристов и политиков сразу после теракта в ТЦ «Крокус Сити Холл» заявили о том, что для снятия моратория не нужно «никаких референдумов, достаточно решения в этом вопросе Конституционного Суда» [12].

Выводы

По результатам проведенного анализа представляется уместным сформулировать следующие выводы и предложения.

1. О смертной казни.

Смертная казнь как высшая мера наказания в России не отменена, нормы о допустимости ее применения не исключены из действующего законодательства. Единственным правовым барьером для возможности вынесения смертных приговоров является позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в определении № 1344-О-Р от 19 ноября 2009 г., в соответствии с которым Конституционный Суд РФ, вопреки своему же постановлению № 3-П от 2 февраля 1999 г., признал невозможность применения смертной казни даже после введения на территории страны суда присяжных заседателей, как этого требует ч. 2 ст. 20 Конституции России. Правовые позиции суда о бессрочности моратория на смертную казнь, как и невозможность ее применения в рамках действующей Конституции РФ, несостоятельны и противоречат действующему законодательству. Конституция России прямо закрепляет возможность назначения смертной казни в качестве исключительной меры наказания. Обратим внимание на то, что Конституционный Суд РФ не является субъектом правотворчества, а следовательно, не может вносить поправки в действующие нормы, не может изменять содержания нормативных правовых актов по собственному усмотрению и восполнять пробелы в законодательстве путем правовых интерпретаций. Это прерогатива исключительно представительных правотворческих органов власти. Следует указать и на отсутствие первопричины ограничения применения смертной казни в России. В частности, 16 марта 2022 г. Россия вышла из Совета Европы, а значит, международные обязательства, взятые нашей страной более двадцати лет назад, сегодня прекращены. Значима и еще одна деталь: подписанный Россией, но так и не ратифицированный протокол № 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод не исключает применения смертной казни в военное время и прямо указывает на возможность государств, присоединившихся к нему, предусматривать в законодательстве смертную казнь за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны. По нашему мнению, вопрос о возможности возобновить применение смертной казни в России находится в компетенции главы государства и парламента даже при неизменности правовых позиций Конституционного Суда РФ относительно данного вопроса.

2. О месте решений Конституционного Суда РФ в правовой системе России.

Решения Конституционного Суда РФ не являются нормативными правовыми актами и, следовательно, не содержат правовых норм. Вместе с тем анализ решений суда, как субъекта официального толкования Конституции РФ, показывает, что Конституционный Суд РФ часто выходит за рамки правоинтерпретационной функции, допускает возможность изменить под влиянием общественного развития заложенный в правовых нормах смысл и тем самым восполняет пробелы в праве собственными правовыми позициями, фактически наделяя себя правотворческой функцией. Разрешая споры о соответствии Конституции России, суд в определенных случаях допускает признание неконституционных законов соответствующими Конституции РФ. Об этом неоднократно упоминал в своих научных работах и публичных выступлениях председатель Конституционного Суда РФ профессор В. Д. Зорькин.

С учетом изложенного дополним, что правовая система России относится к семье континентального права, в котором единственным официальным источником права служит нормативный правовой акт, а единственным правотворческим

органом выступает парламент, осуществляющий функцию народного представительства. Следовательно, прецеденты толкования, создаваемые Конституционным Судом РФ, не могут быть рассмотрены в качестве источника права и не могут создавать новых правовых предписаний либо заменять их. Создание с помощью решений Конституционного Суда РФ так называемой живой конституции тоже противоречит отечественной конституционно-правовой доктрине и традиции, поскольку правовые смыслы, как и их текстуальное закрепление, может изменять, дополнять либо пересматривать только правотворческий орган и только в рамках предусмотренных законодательством процедур. Конституционный Суд РФ не может наделять себя иными полномочиями и выполнять иных функций, кроме таких, которые закреплены за ним Конституцией России и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации». В целях обеспечения и реализации гарантированных Конституцией РФ принципов верховенства права и разделения властей, по нашему убеждению, в законодательстве должна быть предусмотрена возможность обжалования и отмены решений любого суда, в том числе Конституционного Суда РФ.

3. О юридической силе решений Конституционного Суда РФ и содержащихся в них правовых позициях.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» содержит несколько правовых пробелов: 1) отсутствует норма, определяющая юридическую силу решений Конституционного Суда в соотношении с юридической силой Конституции и иных законов России; 2) не определены границы юридической силы решений Конституционного Суда и их место в иерархии правовых актов. По нашему мнению, для преодоления указанных пробелов следует руководствоваться ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с которой акты, принимаемые в России, не должны противоречить Конституции РФ, а органы государственной власти, в том числе Конституционный Суд РФ, обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы. Данные конституционно-правовые установки указывают на меньшую юридическую силу решений суда в сравнении с Конституцией России и подтверждают их подзаконный характер в аспекте обязанности в рамках конституционного судопроизводства не нарушать требования законодательства.

Кроме того, нет ответа на вопрос о том, распространяется ли закрепленная в ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» обязывающая сила на решение суда в целом или обязательной является только его резолютивная часть. По нашему мнению, согласно принципу верховенства права, обязательной может быть только постановляющая часть, в которой формулируется решение, собственно содержащее итоговое заключение по делу.

4. О правоинтерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ.

В рамках конституционного судопроизводства Конституционный Суд РФ в соответствии со ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» осуществляет толкование Конституции РФ и принимает решения по запросам о конституционности нормативных правовых актов органов государственной власти. В рамках толкования права суд применяет буквальное, расширительное либо ограничительное толкование, при этом обязан оставаться в границах предмета своего анализа, то есть правовой нормы, выраженной в тексте соответствующего нормативного правового акта. В рамках правоинтерпретационной деятельности суд в соответствии с законом обязан установить действительный смысл правовой нормы, заключенную в норму волю законодателя, а в случаях необходимости уточнить

его и довести до заинтересованного субъекта. Внесение поправок в действующие нормы недопустимо, как недопустимы и изменение смысла правовой нормы, подмена ее содержания и тем самым создание судом новых норм права.

Вместе с тем анализ правовых позиций суда, выраженных в отдельных его решениях, показывает, что Конституционный Суд РФ, используя несовершенство и пробельность действующего законодательства, часто выходит за рамки законодательно определенной интерпретационной функции и применяет иную, на наш взгляд, форму толкования, так называемое аннигилирующее толкование права (в переводе с лат. *annihilatio* означает «полное уничтожение, отмена»), в рамках которого смысл, заложенный законодателем в правовую норму, полностью или частично изменяется, правовая норма наделяется новым правовым содержанием при неизменности ее текстуального выражения. Искривленная таким образом норма либо перестает работать, формально сохраняя юридическую силу, либо полностью изменяет характер своего воздействия на общественные отношения. Применяя аннигилирующее толкование права, интерпретатор выходит за рамки функциональных полномочий, вторгаясь в сферу ответственности правотворческого органа, и фактически выполняет правотворческую функцию, подменяя собой представительный законодательный орган и нарушая тем самым принципы разделения властей и верховенства права. Примером аннигилирующего толкования права служит определение Конституционного Суда РФ № 1344-О-Р от 19 ноября 2009 г., в котором суд с целью формирования правовой позиции о бессрочности моратория на смертную казнь, не только до неузнаваемости исказил свое же решение, изложенное в постановлении № 3-П от 2 февраля 1999 г., но и, приняв на себя функцию конституционного законодателя, изложил норму, заложенную в ч. 2 ст. 20 Конституции России, в иной смысловой редакции, создав, по сути, новую правовую реальность (прецедент). Судебный орган внес изменения в неизменяемую главу Конституции России путем прямого искажения и подмены смысла одной из ее норм. Не столкнувшись ранее с противодействием со стороны юридического сообщества, сегодня, в условиях кардинально изменившихся политико-правовых реалий и, видимо, не находя ни одного иного правового аргумента, необоснованно назвал действующую Конституцию России непреодолимой преградой на пути возврата смертной казни.

5. О восполнении пробелов в правовом регулировании деятельности Конституционного Суда РФ в аспекте уточнения места, статуса и юридической силы его решений в правовой системе России.

В целях реализации конституционных принципов верховенства права, разделения властей и совершенствования деятельности Конституционного Суда РФ считаем необходимым в тексте Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» закрепить правовой статус и пределы нормативности правовых позиций суда; закрепить нормы о недопустимости выполнения Конституционным Судом РФ функций, возложенных на другие органы государственной власти и реализации полномочий, не предусмотренных законодательством; закрепить норму-дефиницию, раскрывающую понятие правоинтерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ. Считаем также необходимым разработать и юридически формализовать механизм корректировки и отмены решений Конституционного Суда РФ. В целях обеспечения формального и смыслового верховенства права, разрешения существующих противоречий необходимо устранить пробел в конституционном регулировании путем внесения изменений в ст. 6 Федерального конституционного закона РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и в соответствии с Конституцией России закрепить норму, согласно которой решения Конститу-

ционного Суда РФ должны соответствовать и не противоречить Конституции и иным законам РФ.

Бывший председатель Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор М. В. Баглай на страницах своего академического труда по конституционному праву адресовал замечательные слова в первую очередь молодому поколению будущих юристов, а также всем, кому на основе полученных фундаментальных знаний с учетом опыта прошлого и достижений отечественной конституционно-правовой мысли предстоит строить Россию будущего: «Одна из наиболее важных черт статуса Конституционного Суда РФ состоит в том, что он призван решать исключительно вопросы права, что является своеобразной преградой для вторжения в политику. Суд ни при каких обстоятельствах не должен отдавать предпочтение политической целесообразности, пытаться оценивать чьи бы то ни было практические действия вне их правовых форм» [13, с. 695–696]. Приведенная правовая позиция является правовой аксиомой, которая должна находиться в основе работы Конституционного Суда РФ независимо от его состава и особенностей современного общественного развития.

Список источников

1. Зорькин В. Д. Конституционно-судебная защита прав в Российской Федерации: основные свойства: доклад на Междунар. конф. «Защита прав и конституционный контроль» (Санкт-Петербург, 26 июня 2024 г.) // Конституционный Суд РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=97> (дата обращения: 15.03.2025).
2. Клишас заявил о невозможности изменения позиции России по смертной казни // РБК. 2025. 26 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67bed2829a7947a18dbf42d1> (дата обращения: 17.03.2025).
3. Михайлова А. Смертная казнь: от СССР до современной России // Право.ру. 2018. 23 ноября. URL: <https://pravo.ru/story/206498/> (дата обращения: 14.03.2025).
4. О разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”»: определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102390766&backlink=1&&nd=102133896> (дата обращения: 14.03.2025).
5. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб.: Конституционный Суд РФ, 2021. 154 с.
6. Телехов М. Отменить мораторий на смертную казнь в России невозможно даже поправкой к Конституции — Зорькин // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). 2022. 29 июня. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20220629/308074738.html (дата обращения: 17.03.2025).
7. Клишас: вернуть смертную казнь в России невозможно // Бизнес Online. 2024. 25 марта. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/627534> (дата обращения: 17.03.2025).
8. Комарова В. Клишас: смертную казнь невозможно вернуть без новой Конституции // Парламентская газета. 2022. 29 июня. URL: <https://www.pnp.ru/social/klishas-smertnuyu-kazn-nevozmozhno-vernut-bez-novoy-konstitucii.html> (дата обращения: 14.03.2025).
9. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 720 с.

10. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. М.: Норма, 2017. 592 с.
11. Зорькин В. Д. Право против хаоса: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 368 с.
12. Мухаметшина Е., Иванов М., Хамраев В. В парламенте начался новый виток дискуссии по поводу снятия моратория на казнь // Ведомости. 2024. 27 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/03/27/1028179-v-parlamente-nachalsyanovii-vitok-diskussii-po-povodu-snyatiya-moratoriya-na-smertnuyu-kazn> (дата обращения: 20.03.2025).
13. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. М.: Норма, 2008. 816 с.

References

1. Zor'kin V.D. Constitutional and judicial protection of rights in the Russian Federation: Main properties. In: Proc. Int. conf. "Protection of rights and constitutional control" (St. Petersburg, June 26, 2024). Constitutional Court of the Russian Federation official website. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=97> (accessed on 15.03.2025). (In Russ.).
2. Klishas said it was impossible for Russia to change its position on the death penalty. RBC. Feb. 26, 2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67bed2829a7947a18dbf42d1> (accessed on 17.03.2025). (In Russ.).
3. Mikhailova A. Death penalty: From the USSR to modern Russia. Pravo.ru. Nov. 23, 2018. URL: <https://pravo.ru/story/206498/> (accessed on 14.03.2025). (In Russ.).
4. On the clarification of paragraph 5 of the operative part of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 1999 No. 3-P on the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 41 and part three of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, paragraphs 1 and 2 of the Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of July 16, 1993 "On the procedure for putting into effect the "Law of the Russian Federation "On Amendments and Supplements to the Law of the RSFSR "On the Judicial System of the RSFSR", the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of the RSFSR on Administrative Offenses". Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 19, 2009 No. 1344-O-R. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102390766&backlink=1&&nd=102133896> (accessed on 14.03.2025). (In Russ.).
5. Zor'kin V.D. Constitutional justice: Procedure and meaning. St. Petersburg: Constitutional Court of the Russian Federation; 2021. 154 p. (In Russ.).
6. Telekhov M. It is impossible to lift the moratorium on the death penalty in Russia even by amending the Constitution — Zor'kin. Russian Legal Information Agency (RAPSI). Jun. 29, 2022. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20220629/308074738.html (accessed on 17.03.2025). (In Russ.).
7. Klishas: It is impossible to bring back the death penalty in Russia. Business Online. Mar. 25, 2024. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/627534> (accessed on 17.03.2025). (In Russ.).
8. Komarova V. Klishas: Death penalty cannot be reintroduced without a new Constitution. Parlamentskaya gazeta. Jun. 29, 2022. URL: <https://www.pnp.ru/social/klishas-smertnuyu-kazn-nevozmozhno-vernut-bez-novoy-konstitucii.html> (accessed on 14.03.2025). (In Russ.).
9. Zor'kin V.D. Constitutional and legal development of Russia. Moscow: Norma, Infra-M; 2011. 720 p. (In Russ.).
10. Zor'kin V.D. Constitutional Court of Russia: Doctrine and practice. Moscow: Norma; 2017. 592 p. (In Russ.).
11. Zor'kin V.D. Law versus chaos. Moscow: Norma, Infra-M; 2019. 368 p. (In Russ.).
12. Mukhametshina E., Ivanov M., Khamraev V. A new round of debate has begun in parliament regarding lifting the moratorium on executions. Vedomosti. Mar. 27, 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/03/27/1028179-v-parlamente-nachalsyanovii-vitok-diskussii-po-povodu-snyatiya-moratoriya-na-smertnuyu-kazn>

vitok-diskussii-po-povodu-snyatiya-moratoriya-na-smertnuyu-kazn (accessed on 20.03.2025). (In Russ.).

13. Baglai M.V. Constitutional law of the Russian Federation. Moscow: Norma; 2008. 816 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. А. Кудрявцев — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения; 188230, Ленинградская область, Луга, Володарского пр., д. 52а.

Information about the author

Yu. A. Kudryavtsev — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Jurisprudence; 52a Volodarsky Ave., Luga, Leningrad Region, 188230, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 28.03.2025; approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.